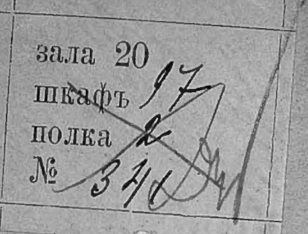

Проф. Алексѣй Введенскій.

ОБЩІЙ СМЫСЛЪ ФИЛОСОФІИ

Н. Н. СТРАХОВА.

МОСКВА.
Университетская типографія.
1897.

ОБЩІЙ СМЫСЛЪ ФИЛОСОФІИ Н. Н. СТРАХОВА.

Статья первая.

I.

Было у насъ на Руси, и не такъ давао, печальное время когда люди съ убѣжденіями боялись ихъ высказывать. „Въ такой переразвращенной средѣ, какова наша образованная,— писалъ въ 1873 году Ю. Ѳ. Самаринъ,—ставится въ вину не невѣріе, а убѣжденіе, какое бы то ни было.“* Теперь, къ счастію, это время прошло и, повидимому, безвозвратно: мы научились цѣнить убѣжденія, каковы бы они ни были.

24 января прошлаго года тихо и безшумно закатилась жизнь выдающагося русскаго человѣка, писателя и философа, Н. Н. Страхова, и вся печать сошлась въ признаніи права покойнаго на уваженіе именно за искренность и стойкость его убѣжденій, за то что онъ,—какъ засвидѣтельствовало, за два года до его смерти, Психологическое Общество, избравшее Н. Н. Страхова въ свои почетные члены,—„никогда не боялся идти противъ господствующихъ въ наукѣ и литературѣ теченій, возставать противъ увлеченій минуты и выступать на защиту тѣхъ крупныхъ философскихъ и литературныхъ явленій которыя въ данную минуту подвергались гоненію и осмѣянію“. Лишь нѣкоторые органы печати подняли неумѣстный споръ о томъ, куда „сопричислить“ покойнаго писателя,— къ либераламъ или консерваторамъ,—забывъ что бываютъ минуты когда простой тактъ обязываетъ отлагать въ сторону всякія злобы дня.

Н. Н. Страхову уже было посвящено нѣсколько сочувственныхъ статей, характеризующихъ его и какъ человѣка, и какъ мыслителя. * Всѣ согласно чтутъ въ немъ весьма симпатичнаго, истинно-русскаго человѣ-

* *Сочиненія*, т. VI, стр. 382.

* Изъ статей извѣстныхъ намъ заслуживаютъ вниманія особенно слѣдующія: 1) проф. Н. Я. Грота: *Памяти Н. Н. Страхова (Вопросы Философіи и Психологіи*, кн. 32); 2) Б. В. Никольскаго: *Н. Н. Страховъ, критико-біографическій очеркъ*, Спб. 1896 г., стр. 56 (съ портретомъ); 3) В. В. Розанова: *Вѣчная память* (*Русское Обозрѣніе*, 1896 г., октябрь); 4) проф. А-дра И. Введенскаго: *Значеніе философской дѣятельности Н. Н. Страхова* (*Образованіе*, мартъ 1896 г.); 5) Ю. Н. Говорухи-Отрока: *Н. Н. Страховъ*. (*Московскія Вѣдомости* 1896, №№ 27, 32, 167), и сверхъ того отдѣльныя статьи въ *Московскихъ Вѣдомостяхъ*: 1890, № 255, 332; 1892, № 11, 73, 99, 314; 1893, № 123.

ка и патріота, выдающагося стилиста, образцово-яснаго писателя и недюжинный философскій талантъ. Многое и во внѣшней, и во внутренней исторіи этой выдающейся личности уже разъяснено. Но многое остается еще разъяснить. И прежде всего, по нашему мнѣнію, необходимо точнѣе выяснить и опредѣлить подлинный *смыслъ философіи* Н. Н. Страхова, которая, и по его собственному призванію, все же была *главнымъ дѣломъ* его жизни.

Что такое эта философія? Представляетъ ли она въ цѣломъ нѣчто связное, систему, или лишь фрагменты? Какого типа и направленія эта философія?

Несомнѣнная важность этихъ вопросовъ для оцѣнки литературно-философской дѣятельности покойнаго писателя очевидна уже изъ того что не только отъ различныхъ людей, но иногда и отъ одного и того же человѣка приходится слышать на нихъ разнорѣчивые и даже прямо противорѣчивые отвѣты.

На вопросъ: къ какой школѣ принадлежалъ Н. Н. Страховъ?—каждый знакомый съ его сочиненіями безъ затрудненія отвѣтитъ: *онъ былъ послѣдователемъ Гегеля, то-есть раціоналистомъ*. На другой вопросъ: противъ чего собственно ратовалъ Н. Н. Страховъ, на что были особенно направлены его нападки? всякій, и опять-таки безъ затрудненія, отвѣтитъ: *на раціонализмъ, съ которымъ дѣйствительно Н. Н. Страховъ*, такъ-сказать, *велъ постоянные счеты*,—особенно въ послѣдніе годы.

Противорѣчіе несомнѣнное, и его, очевидно, нельзя затушевать поверхностнымъ различеніемъ раціонализма „истиннаго" и „односторонняго".

Гдѣ же выходъ изъ этого противорѣчія?

Это противорѣчіе разрѣшается, хотя, какъ увидимъ дальше, и не вполнѣ, съ точки зрѣнія исторической и біографической. Сорокалѣтняя работа мысли нашего покойнаго философа отразила на себѣ двѣ различныя культурныя эпохи, которыя пережило человѣчество за послѣднее полустолѣтіе и которыя именно у насъ, въ нашемъ отечествѣ, опредѣлились во всей своей рѣзкой и непримиримой противоположности.

Человѣкъ сначала, такъ-сказать, уходилъ отъ себя въ природу, куда вела его наука, то-есть отвлеченный разумъ, а потомъ, испытавъ рядъ всевозможныхъ разочарованій, захотѣлъ снова вернуться къ себѣ, „домой", повинуясь призывавшему его чувству эстетическому, нравственному и религіозному,—красотѣ, долгу, вѣрѣ.

Отсюда у Н. Н. Страхова сначала раціонализмъ, а потомъ—борьба съ нимъ.

Жизнь несется впередъ быстро и неудержимо, и тотъ кого она захватила въ свой потокъ часто не успѣваетъ опредѣлить куда именно онъ несется. Только человѣкъ мысли, философъ, утверждающійся на неподвижной почвѣ началъ разума, „вѣчныхъ истинъ", способенъ остановиться, среди этого всеобщаго стремленія, и спросить себя: куда влечетъ меня невѣдомая сила, и не долженъ ли я направить свой курсъ „противъ теченія"? *Гдѣ* остановится философъ,—пройдетъ ли онъ, объ руку съ толпой, весь путь ея увлеченія, или вернется съ полупути,—это опредѣляется силой его мысли, индивидуальными особенностями, такъ-сказать, философскимъ темпераментомъ. Но если онъ не возвысится надъ толпой, не выдѣлится изъ нея, не дастъ себѣ отчета: куда и почему онъ идетъ,—онъ не философъ.

Покойный Н. Н. Страховъ, увлеченный сначала общимъ раціоналистическимъ движеніемъ эпохи шестидесятыхъ годовъ, скоро исчерпалъ, однако, силою своей недюжинной мысли содержаніе раціонализма во всѣхъ его отдаленнѣйшихъ логическихъ выводахъ, и—одинъ изъ первыхъ у насъ—*вполнѣ самостоятельно* повернулъ назадъ, „домой". И вотъ это именно даетъ ему неоспоримое право на почетное званіе философа! И вотъ

въ чемъ, съ другой стороны, разгадка отмѣченнаго нами выше противорѣчія!

„Когда я окончилъ свою книгу *Міръ, какъ цѣлое* (въ 1872 году) въ которой съ увлеченіемъ развивалъ главныя и общія ученія о природѣ, вполнѣ раціоналистическія,—говоритъ Н. Н. Страховъ,—мною овладѣло чувство неудовлетворенности“.*

И дѣйствительно, на предисловіи къ книгѣ *Міръ, какъ цѣлое* ясно отразился слѣдъ этой неудовлетворенности, разладъ головы и сердца, протестъ живаго человѣка, цѣльной личности противъ мертваго, отвлеченнаго разсудка, противъ раціонализма. „Для меня несомнѣнно, — писалъ здѣсь Н. Н. Страховъ,—что люди науки, чистые изслѣдователи, не допускающіе въ свою работу никакого вмѣшательства фантазіи и чувства, должны безусловно признавать міръ какъ цѣлое. Этотъ взглядъ одинъ соотвѣтствуетъ полной строгости научнаго метода. Еслибъ я продолжалъ работать на поприщѣ наукъ, то я неизмѣнно держался бы этого пути: на немъ открываются самые далекіе горизонты и вполнѣ удовлетворяется потребность *теоріи*, потребность *раціональнаго пониманія* вещей. Однако, мы чувствуемъ недовольство этимъ взглядомъ, и если онъ въ насъ что-то затрогиваетъ и чему-то противорѣчитъ, то нѣтъ никакого сомнѣнія что источникъ такого разногласія не въ умѣ, а въ *какихъ-нибудь другихъ требованіяхъ души* человѣческой. *Человѣкъ постоянно почему-то враждуетъ противъ раціонализма*. Отдать себѣ отчетъ въ этой враждѣ есть величайшая задача мысли... Такъ какъ мы назвали міръ цѣлымъ, то, примѣняясь къ этому выраженію, можемъ сказать что человѣкъ постоянно ищетъ *выхода* изъ этого цѣлаго, стремится разорвать связи соединяющія его съ этимъ міромъ, порвать свою пуповину.“

Такъ еще въ 1872 году Н. Н. Страховымъ былъ осужденъ раціонализмъ, во имя „какихъ-то другихъ требованій души“.

Однако, за предѣлами раціонализма сначала открылась для него только „тьма.“ Пробудилась потребность чѣмъ-нибудь *восполнить* раціонализмъ, найти изъ него *выходъ*. Но гдѣ и какъ? Вся послѣдующая работа мысли философа есть стремленіе найти именно этотъ выходъ за предѣлы мертвящаго раціонализма, въ область живой и высшей дѣйствительности.

Здѣсь завязывается предъ нами узелъ драмы, которая наполнила своимъ содержаніемъ всю жизнь философа. Съ напряженнымъ вниманіемъ слѣдитъ онъ за движеніемъ этой драмы, за борьбой духа творчества и духа разсудочнаго отрицанія, за перемѣннымъ торжествомъ то одного, то другаго. Къ сожалѣнію, развязку этой многоактной піесы, уже вполнѣ подготовленную, философъ унесъ отъ насъ съ собою.

II.

Прологъ драмы относится еще къ шестидесятымъ годамъ.

Духъ - искуситель приступилъ къ этому одинокому и могучему уму съ древнимъ и въ то же время вѣчно новымъ обольщеніемъ, неизмѣнно обязательнымъ раздраженіемъ человѣческой мысли и призракомъ *всезнанія*:

— Я поставлю тебя,—какъ бы говорилъ этотъ духъ-искуситель,—на вершину знанія, умозрѣнія и науки: весь міръ, въ его цѣломъ, откроется предъ твоимъ умственнымъ взоромъ и покорный ляжетъ у твоихъ ногъ, и ты сознаешь себя его вершиною, средоточіемъ и властелиномъ...

И не могъ смѣлый умъ противостоять этому обольщенію всезнанія, и отважно пошелъ за манившимъ его все впередъ и впередъ призракомъ. Съ послѣдовательностію и стремительностію, которымъ немного можно указать примѣровъ въ исторіи мысли, онъ прошелъ весь путь сначала и до конца, но...

* *О вѣчныхъ истинахъ*, Спб. 1887. стр XXIX.

Но намъ нужно начать сначала.

„Для человѣка исходною точкою всегда будетъ и долженъ быть самъ человѣкъ: съ него и начинается книга.“ *

Но что такое человѣкъ *для науки?*

Общая физіологія говоритъ что человѣкъ есть животное. Утвержденіе странное и непріятное, но научно необходимое. Да, человѣкъ есть животное, то-есть въ немъ есть все то что есть и въ животномъ. И онъ вовсе притомъ не особенное какое-нибудь животное не чудо между ними, а такое же животное какъ и многія другія. Сравните, напримѣръ, человѣка и лошадь въ анатомическомъ отношеніи, и вы найдете между ними поразительное сходство. Удивленіе наше возрастетъ еще болѣе, если мы сравнимъ человѣка съ другими, ближе стоящими къ нему, животными,—съ обезьянами. Высшія породы обезьянъ настолько близко подходятъ къ человѣку что туземцы называютъ ихъ, въ виду этого сходства, прямо „лѣсными людьми“. Но не менѣе поразительно сходство человѣка съ животными и въ психическомъ отношеніи. Въ самомъ дѣлѣ, нѣтъ ни одной, даже самой „*звѣрской*“, черты которая бы не показывалась болѣе или менѣе въ душѣ человѣка: и человѣкъ иногда любитъ кровь и съ бѣшенствомъ бросается на другаго человѣка; и въ немъ инстинктъ самосохраненія господствуетъ надъ всѣми остальными мотивами дѣятельности и т. д. Если онъ и превосходитъ другихъ животныхъ въ этомъ отношеніи, то развѣ лишь тѣмъ что онъ ловчѣе, хитрѣе и, поэтому, сильнѣе — есть первое между животными. Но и это первенство его довольно условно. Представьте что завтра произойдетъ новый геологическій переворотъ: люди погибнутъ, и тогда, вѣроятно (по аналогіи), земля заселится новыми животными, высшими нежели человѣкъ. Такимъ образомъ, человѣкъ потому лишь есть первое животное что нѣтъ животныхъ выше его; а еслибъ они были, то онъ былъ бы животнымъ между другими животными. Итакъ,— выводитъ наука, — какъ по своему устройству, такъ и по своимъ физическимъ и душевнымъ свойствамъ человѣкъ подходитъ подъ понятіе животнаго: *человѣкъ есть животное*, и ни одинъ послѣдовательный и точный зоологъ не можетъ усомниться въ принадлежности человѣка къ животному царству.

Но что же такое для науки животныя, къ классу которыхъ она относитъ человѣка? Животное для науки есть организмъ, во всемъ подобный другимъ организмамъ: между сосною и лошадью, какъ выразился одинъ изъ натуралистовъ того времени (1859 г.) на публичной лекціи, нѣтъ существеннаго различія. Да, нѣтъ: по химическому составу, строенію, формѣ и расположенію частей, всѣ организмы, не исключая и животныхъ, совершенно одинаковы. Но еще важнѣе и разительнѣе сходство въ исторіи организмовъ: всѣ организмы раждаются, развиваются, размножаются и умираютъ совершенно одинаковымъ образомъ. И человѣкъ раждается и умираетъ совершенно такъ же какъ и каждое ничтожное насѣкомое или травка, подчиняясь тѣмъ же законамъ. Радость матери и скорбь человѣка объ утратѣ любимаго существа суть лишь высшее выраженіе той общей жизни которою живутъ всѣ растенія и животныя. Безжалостная смерть господствуетъ надъ всѣмъ органическимъ міромъ, и всюду, по однимъ и тѣмъ же законамъ, на умершемъ расцвѣтаетъ новая и свѣжая жизнь. „Съ перваго взгляда, — какъ говоритъ одинъ ученый,—кажется легко отличить животное отъ растенія, и даже самый несвѣдущій человѣкъ думаетъ что онъ ясно видитъ это различіе. Но именно незнаніе и составляетъ причину по которой это различіе кажется такимъ рѣзкимъ.“ Для истиннаго же представителя науки совершенно очевидно и несомнѣнно что животное подходитъ подъ понятіе организма: *животное есть организмъ.*

---

* *Міръ, какъ цѣлое*, стр. XII, 2е изд.

Но что такое, далѣе, организмъ? Чѣмъ отличаются органическія тѣла отъ неорганическихъ, растенія и животныя отъ тѣлъ природы? Что такое вообще жизнь?

Жизнь, по опредѣленію точной науки, есть безпрерывное движеніе, безпрерывная смѣна вещества („круговоротъ“), при сохраненіи той же формы (Кювье).

Но если такъ, то, развивая послѣдовательно это положеніе, необходимо придти къ совершенно матеріалистическому взгляду на жизнь, то-есть ко взгляду по которому жизнь состоитъ изъ такихъ же явленій вещества какія происходятъ и въ мертвой природѣ, какія свойственны веществу вообще. Если, въ самомъ дѣлѣ, сущность жизни заключается въ движеніи, въ круговоротѣ, то, очевидно, жизнь невозможно строго отличать отъ движеній неорганической природы. Дубъ и водопадъ: между ними, съ точки зрѣнія натуралиста, нѣтъ существенной разницы. Дубъ есть тотъ же водопадъ, только несравненно болѣе сложный, болѣе раздробленный и запутанный,—до того запутанный что разобрать его мельчайшія струйки есть дѣло требующее большихъ усилій для ума человѣческаго, тогда какъ явленія водопада легко понять. Но, помимо этого *различія въ степени* сложности, сходство здѣсь полное: какъ образуются пузырьки въ пѣнѣ водопада, такъ листья являются на деревѣ, — пузырекъ лопается, и листъ падаетъ и, сгнивая, разлетается въ газы.

Отсюда слѣдуетъ, что организмы, всѣ вообще организмы, со включеніемъ царя природы— человѣка, суть вещественные предметы, въ полномъ смыслѣ этого слова. Все что мы приписываемъ веществу, всѣ правила и пріемы которые употребляются нами при разсмотрѣніи вещественныхъ предметовъ, все это примѣняется и къ организмамъ. И это понятно, потому что они тоже вещественные предметы. Даже самъ человѣкъ при всѣхъ своихъ высокихъ дарахъ, — развѣ онъ не видитъ, не испытываетъ ежеминутно что между вещественными предметами его окружающими онъ такой же предметъ какъ и они,—что тѣло его, какъ вещество, ничѣмъ не выше другихъ тѣлъ? Падаетъ стаканъ и разбивается; падаетъ человѣкъ и тоже разбивается. Нужно затопить печку, иначе комната будетъ холодна; нужно наполнить желудокъ пищей, иначе силы ослабѣютъ и т. д. Ясно что *организмы*,—всѣ организмы, включая животныхъ и человѣка,— *суть вещественные предметы, суть вещество.*

Итакъ, человѣкъ есть животное; животное есть организмъ; организмъ есть предметъ вещественный, вещество: ergo, *все есть вещество.* Единство въ міропредставленіи, такимъ образомъ, достигнуто.

Но какое это жалкое, бѣдное, монотонное и, такъ сказать, не эстетичное единство! Все есть вещество! Стало-быть, и въ человѣкѣ нѣтъ ничего кромѣ вещества. Умирая, онъ просто угасаетъ, какъ пламя свѣчи, и ничего болѣе отъ него не остается — никакого слѣда. Человѣкъ есть не что иное какъ подобіе облака, и наша жизнь проходитъ —

Какъ исчезаетъ облакъ дыма
На небѣ сѣромъ и туманномъ...

И повсюду такъ. Можно пройти всю вселенную и вездѣ то же однообразное вещество, только въ различныхъ группировкахъ, и ничего болѣе. До безконечности идутъ системы планетъ. Въ этихъ системахъ встрѣчаются планеты подобныя землѣ. На нихъ развивается органическая жизнь, и во главѣ ея является человѣкъ. Вездѣ, вплоть до безконечной глубины небесъ, та же геометрія и та же астрономія—все одно и то же и одно и то же. Да, мы приходимъ къ самому легкому и ясному міросозерцанію.

Но, Боже, какая томительно однообразная и скучная открывается предъ нами картина! Къ чему, въ

самомъ дѣлѣ, это безчисленное повтореніе однихъ и тѣхъ же явленій? Каждая планета есть атомъ теряющійся въ пустынѣ неба. Мірозданіе есть безпредѣльное накопленіе такихъ атомовъ. Между ними нѣтъ никакой связи, никакого общаго центра. Есть единство, но *нѣтъ цѣлаго, и нѣтъ, поэтому, никакого смысла* во всемъ этомъ безконечномъ мірѣ. Нѣтъ въ немъ и Бога. Въ небесныхъ пространствахъ астрономы находятъ только различныя небесныя тѣла и, до сихъ поръ по крайней мѣрѣ, въ телескопъ нельзя было усмотрѣть тамъ ни Бога, въ Его молніеносной ризѣ, ни ангеловъ съ ихъ пламенными мечами. Значитъ, ихъ и нѣтъ тамъ. Да и быть не можетъ, если существуетъ только вещество. Если же, по тѣмъ или другимъ мотивамъ, мы и захотѣли бы удержать это дорогое намъ слово и понятіе, то должны были бы воплотить его во что-либо вещественное, то-есть искать Бога въ томъ же направленіи и представлять его въ той же формѣ, въ какихъ искалъ и представлялъ его, напримѣръ, знаменитый Ньютонъ, который, какъ извѣстно, *считалъ пространство тѣломъ и чувствилищемъ Бога*...

Вотъ картина открывшаяся предъ взоромъ нашего мыслителя, когда, обольщенный искушеніемъ всезнанія, онъ поднялся на вершину *точной науки* и съ этой вершины захотѣлъ окинуть однимъ общимъ взглядомъ *міръ въ цѣломъ*. И само собою понятно что двухъ различныхъ отношеній къ этой картинѣ у него быть не могло.

III.

Формальная логика запрещаетъ опредѣлять понятія одними только родовыми признаками. Между тѣмъ, именно этимъ роковымъ недостаткомъ и страдаетъ тотъ силлогизмъ, который, по пониманію и истолкованію Н. Н. Страхова, устанавливаетъ наука,— тотъ изумительный силлогизмъ, по которому „человѣкъ есть животное, животное есть организмъ, организмъ есть предметъ вещественный, слѣдовательно человѣкъ, какъ и все вообще, есть вещество".

Человѣкъ, говоритъ точная наука, есть животное. Допустимъ! Но *только ли* животное? На какомъ основаніи опущено здѣсь изъ виду специальное отличіе человѣка отъ животныхъ? Животное есть организмъ; но *только ли* организмъ? Нѣтъ ли въ немъ иного, нѣкотораго *надъ-органическаго* начала? Да и правда ли что родовой признакъ человѣка есть животное? По тѣлу, да. Но въ человѣкѣ только ли тѣло?

Нѣтъ, пройти тѣмъ путемъ на которомъ найденъ сейчасъ приведенный изумительный силлогизмъ, можетъ, очевидно, лишь грубо-эмпирическое мышленіе,—то мышленіе для котораго существуетъ лишь одинъ источникъ знанія, внѣшній опытъ, и идеалъ котораго представить все міровое цѣлое какъ бы на одной картинѣ, наглядно, въ созерцаемыхъ образахъ. Такое, грубо-эмпирическое, исключительно *представляющее* (но не *понимающее*: для философа громадное различіе!) мышленіе дѣйствительно способно удовлетвориться истолкованіемъ человѣка и животныхъ просто въ смыслѣ вещественныхъ предметовъ. Для него все есть вещество, и само вещество состоитъ изъ маленькихъ, наглядно представляемыхъ, тѣлесныхъ частичекъ, которыя заключены, какъ-бы въ одномъ исполинскомъ ящикѣ,—въ пространствѣ. Все міровое цѣлое получаетъ, съ этой точки зрѣнія, видъ пирамиды или конуса: внизу пространство, какъ основаніе или вмѣстилище всего, а на вершинѣ человѣкъ, какъ наиболѣе сложная комбинація того же вещества. Нигдѣ и ничего внутренняго. Повсюду лишь одно механическое и внѣшнее.

Можетъ ли, однако, удовлетвориться такою грубою, чисто механическою концепціей міра *живой* человѣкъ?

Нѣтъ. Прежде всего, относитель-

но себя самаго, онъ знаетъ,— знаетъ по внутреннему и непосредственному опыту,—что онъ не одно тѣло: онъ чувствуетъ и любитъ; имѣетъ свои опредѣленныя желанія; утверждаетъ себя своею волею какъ силу противостоящую и противодѣйствующую внѣшнимъ вліяніямъ; стремится къ добру и истинѣ; сознаетъ себя связаннымъ совѣстію и долгомъ; ищетъ высшей жизни, Бога. Все это для него *факты*. По какому же праву наука игнорируетъ эти, несомнѣннѣйшіе для него, факты? И развѣ долженъ онъ отказываться отъ нихъ во имя науки?

Конечно, иной филистеръ нашихъ дней сильно опасается какъ бы не пришлось ему остаться безъ души, когда матеріалистъ докажетъ ему что у него нѣтъ души. Но вѣдь на то онъ и филистеръ: у него душа уже пошла на убыль, потому онъ и опасается за нее и сомнѣвается въ ея бытіи. Но человѣкъ со здоровою внутреннею жизнью не продастъ дешево этихъ фактовъ, и если наука отрицаетъ ихъ, онъ скорѣе усомнится въ самой наукѣ чѣмъ въ своей душѣ и въ реальности своей внутренней жизни. Да и что̀ это, въ самомъ дѣлѣ, за наука, которая отрицаетъ самые несомнѣнные для человѣка факты?

Н. Н. Страховъ жилъ слишкомъ здоровою внутреннею жизнью для того чтобы помириться съ отрицаніемъ *фактовъ* внутренняго опыта, во имя теоріи. Съ другой стороны, онъ былъ мыслитель слишкомъ сильный для того чтобы не понять принципіальной фальши вышеприведеннаго силлогизма. Наконецъ, для него слишкомъ высоко стоялъ идеалъ *науки*, чтобъ удовлетворяться тѣмъ что̀ давали ему современные *ученые*.

И вотъ, не отказываясь отъ желанія понять міръ именно какъ цѣлое, онъ на первыхъ же шагахъ своей научно-литературной дѣятельности возвышаетъ самый энергичный протестъ противъ самыхъ началъ механическаго міропредставленія, очерченнаго нами выше: наука должна *не представить* міръ, *но понять*, — ввести насъ въ разумѣніе внутреннихъ началъ, отношеній и связей міра, какъ цѣлаго. Этотъ высокій идеалъ,—идеалъ науки одинаково удовлетворяющей требованіямъ и фактовъ, и самой строгой мысли, — какъ нѣкоторый тайный геній увелъ нашего мыслителя отъ механическаго міропредставленія и повелъ его, на его одинокомъ пути, дальше и выше.

„Человѣкъ есть животное: но онъ *не хочетъ* быть животнымъ! Человѣкъ есть одно изъ существъ природы: но онъ *не считаетъ* себя предметомъ природы, явленіемъ между ея явленіями,—онъ природу *противополагаетъ* себѣ и *отрицается* отъ нея. Какъ это возможно? Какимъ, вообще, образомъ что-нибудь существующее недовольно тѣмъ что оно есть?... Дѣло въ томъ что *человѣкъ имѣетъ полное право* противополагать себя природѣ, потому что онъ *можетъ* сдѣлать такое противоположеніе, — имѣетъ силу и способность къ нему.“ *

„Животное есть вещественный предметъ“: но этотъ предметъ *чувствуетъ* и, противодѣйствуя, какъ и всякое другое тѣло, вліянію извнѣ, противодѣйствуетъ *произвольно*. Чувство же и произволъ суть явленія *невещественныя*. Правда, о чувствѣ и произволѣ животныхъ мы заключаемъ по аналогіи съ собою. Но странно было бы не вѣрить, напримѣръ, тому что собака визжитъ отъ удовольствія и лаетъ отъ злости. Конечно, эту злость и это удовольствіе нельзя ни видѣть въ микроскопъ, ни получить въ видѣ особаго вещества посредствомъ химическаго разложенія мозга; но изъ того что это явленія невидимыя, невещественныя, слѣдуетъ ли что ихъ можно отрицать? Нѣтъ, „*истинный духъ естествознанія состоитъ въ нѣкоторомъ благоговѣніи предъ явленіями природы*, которое не допускаетъ ихъ произвольнаго иска-

* *Міръ, какъ цѣлое*, стр. 18.

женія, и убѣжденіе что смыслъ явленій природы однороденъ съ сущностью человѣческой мысли, есть лучшее предохраненіе отъ множества заблужденій". *

Итакъ, человѣкъ и животное не просто вещественныя тѣла. Нѣтъ. Одна глубокая черта проводитъ между ними коренное различіе: это—признакъ жизни, то-есть совершенствованія. Кусокъ золота, какъ бы онъ великъ или малъ ни былъ, всегда остается все тѣмъ же кускомъ золота: золото снаружи представляетъ совершенно то же что̀ и внутри и сегодня то же что̀ и черезъ сто лѣтъ. Напротивъ, въ организмѣ есть внутреннее строеніе, есть централизація, отъ которой зависитъ его величина,—есть развитіе, періоды отъ которыхъ зависитъ срокъ жизни. Движеніе жизни есть не что̀ иное какъ переходъ отъ низшаго состоянія къ высшему, и *основной законъ жизни есть совершенствованіе.* Большое облако отличается отъ малаго только своею величиной, и молнія его отличается отъ молніи малаго облака такъ же только своею величиной. Между тѣмъ взрослый человѣкъ отличается отъ ребенка не только тѣмъ что въ немъ нѣсколько пудовъ лишнихъ, но и тѣмъ что дѣятельность, мысль и чувство взрослаго чрезвычайно отличны отъ дѣятельности, мыслей и чувствъ ребенка. И это различіе есть прямое и существенное слѣдствіе жизни. Взрослому человѣку стыдно быть взрослымъ ребенкомъ, и дитяти невозможно быть маленькимъ взрослымъ человѣкомъ.

Съ этой точки зрѣнія получаетъ свое особенное значеніе и смыслъ и страшное явленіе смерти.

„Смерть—это финалъ оперы, послѣдняя сцена драмы. Какъ художественное произведеніе не можетъ тянуться безъ конца, но само собою обособляется и находитъ свои границы, такъ и жизнь организмовъ имѣетъ предѣлы. Въ этомъ выражается ихъ глубокая сущность, гармонія и красота, свойственная ихъ жизни. Еслибъ опера была только совокупностію звуковъ, то она могла бы продолжаться безъ конца. Еслибы поэма была только наборомъ словъ, то она также не могла бы имѣть никакого естественнаго предѣла. Но смыслъ оперы и поэмы, ихъ существенное содержаніе, требуютъ финала и заключенія" *.

И наша собственная, человѣческая жизнь ограничена здѣсь именно потому что „мы способны *дожить* до чего-нибудь, потому что можемъ стать *вполнѣ человѣкомъ*: смерть не даетъ намъ *пережить* себя". **

Вотъ какъ, въ ряду послѣдовательныхъ вопросовъ, Н. Н. Страховъ переставляетъ внѣшне-механическую точку зрѣнія на мірозданіе. Организмъ не есть только вещественный предметъ. Животное не есть только организмъ. Человѣкъ не есть только животное. Нѣтъ, онъ возвышенъ надъ природой своею духовною стороной,—составляетъ исключеніе въ ней. Онъ вѣнецъ мірозданія, и не только потому что современная астрономія склонна разсматривать всю необъятную вселенную какъ безбрежную и мертвую пустыню, въ которой нѣтъ уже болѣе живыхъ существъ, но и потому что „человѣкъ можетъ и необходимо долженъ смотрѣть на свою жизнь такъ, какъ будто бы весь остальной міръ былъ пустъ, и какъ будто за цикломъ жизни человѣчества не послѣдуетъ никакого цикла". *** Да, ему это центральное положеніе въ мірѣ свойственно и прилично. Человѣкъ,—не отдѣльный человѣкъ, конечно, но *человѣкъ вообще*, какъ воплощеніе своей идеи и образъ Божества,—есть *наиболѣе совершенное* существо, какое только человѣкъ можетъ себѣ представить, при условіяхъ его необходимой ограниченности. И вотъ въ чемъ его право на верховенство!

* Ibid., стр. 37.

* Ibid. 133.
** Ibid. 144.
*** Ibid. 278.

Такимъ образомъ, *для міра найденъ его живой и разумный центръ.* „Міръ есть сфера, средоточіе которой составляетъ человѣкъ. Человѣкъ есть вершина природы, узелъ мірозданія, бытія. Въ немъ заключается величайшая загадка и величайшее чудо мірозданія. Онъ занимаетъ центральное мѣсто по всѣмъ направленіямъ связей соединяющихъ міръ въ одно цѣлое. Онъ есть главная сущность, главное явленіе и главный органъ міра. Части и явленія міра не просто связаны, а соподчинены,— представляютъ іерархію. Міръ, какъ организмъ, имѣетъ части менѣе важныя и болѣе важныя, высшія и низшія. И отношеніе между этими частями таково что онѣ представляютъ гармонію, служатъ однѣ для другихъ, образуютъ одно цѣлое въ которомъ нѣтъ ничего ни лишняго, ни безполезнаго.“ *

Величественная концепція! Однако, она намѣчена очевидно еще лишь слишкомъ общими и грубыми штрихами. Въ ней оставалось еще отдѣлать детали, рельефнѣе очертить фигуры, а главное—оставалось установить на міръ перспективу, какъ говорятъ философы, *sub specie aeternitatis*,—поставить надъ міромъ и человѣкомъ *Бога.*

Все это, конечно, требовало отъ философа дальнѣйшей и упорной внутренней работы, напряженныхъ и сосредоточенныхъ размышленій:

„*За предѣлами раціонализма*, — какъ онъ самъ характеризуетъ свое умственное состояніе того времени (1872 г.), — *для меня была только тьма*“. * Правда, онъ не отступалъ предъ этою тьмой, предъ этою ночью таинственнаго, и даже въ ней самой искалъ сначала „предметовъ для познанія“ и прежде всего „такого предмета на который мы могли бы съ полнымъ правомъ обратить свое благоговѣніе“; ** но...

Но занавѣсъ упалъ, и первый актъ философской драмы кончился.

* *Ibid.*, VII—VIII.

* *О вѣчныхъ истинахъ*, XXXIII.
** *Міръ, какъ цѣлое*, XII.

Статья вторая.

I.

Выступая со своимъ протестомъ противъ односторонности точной науки, Н. Н. Страховъ ссылался на чувство и непосредственный опытъ.

„По приговору науки, — таковъ смыслъ его аргументаціи,—человѣкъ есть животное и, въ послѣднемъ анализѣ, просто сложная группа вещества; но человѣкъ *не хочетъ* быть животнымъ и *протестуетъ* противъ толкованія его природы въ смыслѣ простой матеріи,—протестуетъ во имя своего внутренняго опыта"...

Не хочетъ и протестуетъ: вотъ въ чемъ его *право* на исключительное положеніе въ мірѣ!

Да! Но вѣдь и у науки есть свои: *не хочу* и *протестую.* Она требуетъ логически-ясныхъ аргументовъ и *не хочетъ* признавать глухихъ и темныхъ ссылокъ на чувство, *протестуетъ* противъ такихъ пріемовъ полемики и аргументаціи...

Положеніе дѣла, казавшееся столь яснымъ и опредѣленнымъ сначала, какъ видимъ, осложняется и становится шаткимъ.

— Ты ссылаешься,—такъ нашептывалъ философу духъ-искуситель,—на чувство и внутренній опытъ. Какая наивность! Да развѣ ты не знаешь что ссылка *одного* человѣка на свой личный опытъ есть самый неубѣдительный аргументъ *для другаго?* Да и для тебя самого все ли въ твоей аргументаціи ясно? Изъ того что явленія внутренняго опыта для насъ всего несомнѣннѣе и достовѣрнѣе слѣдуетъ ли что они всего доступнѣе для познанія и даже что они вообще для него доступны? Всмотрись пристальнѣе, и ты увидишь что внутренній міръ ускользаетъ отъ тѣхъ простыхъ пріемовъ познанія какими мы познаемъ міръ внѣшній и требуетъ какихъ-то обратныхъ пріемовъ и особенныхъ усилій. Совсѣмъ другое дѣло міръ внѣшній! Къ нему свободно и правильно могутъ быть приложены всѣ наши познавательные способы и силы. Доказательство налицо. Когда человѣчество было занято своею внутреннею жизнью, когда чувство и фантазія говорили такъ сильно, что не было мѣста холодному и спокойному изслѣдованію,—оно въ своемъ познаніи не двигалось впередъ. Напротивъ, когда силою философскаго отвлеченія мы отняли у природы всякую жизнь, когда пріучились не обращать вниманія на красоту и выразительность ея явленій, а стали смотрѣть на нее какъ на мертвый механизмъ,—тогда мы открыли тѣ законы которымъ подчиненъ этотъ механизмъ и продолжаемъ безъ конца открывать подробности его устройства. Нѣтъ, въ сравненіи со свѣтлымъ міромъ вещественной природы, душа есть область темная и таинственная, которая едвали допускаетъ тѣ же самые пріемы изслѣдованія. И какъ же, послѣ всего этого, аппеллировать противъ приговора науки къ свидѣтельству непосредственнаго чувства и внутренняго опыта?!...

Такъ говорилъ духъ-искуситель. Его голосъ звучалъ такъ искренно, и аргументы казались такъ убѣдительными что философъ невольно поддался ихъ обаянію.

— Да, — сказалъ онъ, — внѣшній міръ — вотъ „настоящій предметъ нашего познанія, нашъ настоящій объектъ". * И это признаніе вырва-

* *Объ основныхъ понятіяхъ психологіи и философіи.* Спб. 1886. Стр. 32.

лось у него не случайно. Нѣтъ, онъ развилъ его на нѣсколькихъ страницахъ, * подробно комментировалъ и притомъ именно тѣми самыми соображеніями которыя мы только-что изложили, и которыя, очевидно, всего болѣе годились не для него, а для его противника.

Вопросъ, такимъ образомъ, осложнялся еще болѣе, и философу понадобился, употребляя его собственное выраженіе, нѣкоторый „особенный поворотъ мысли“ чтобы, сдѣлавъ эти допущенія, уйти отъ тѣхъ выводовъ съ которыми они стоятъ въ необходимой логической связи, и противъ которыхъ онъ возвысилъ протестъ во имя фактовъ своего внутренняго опыта,—отъ выводовъ по которымъ человѣкъ есть животное и т. д.

Будущему біографу философа предстоитъ не легкая задача выяснить тотъ психологическій процессъ которымъ совершился этотъ особенный „поворотъ“ въ мысли философа. Какъ бы то ни было, но мы имѣемъ здѣсь предъ собою несомнѣнный фактъ „Поворотъ“ дѣйствительно совершился: съ точки зрѣнія точной науки и эмпиріи философъ быстро и рѣшительно перешелъ на точку зрѣнія идеализма. Этотъ-то переходъ, этотъ интересный „оборотъ“ мысли и составляетъ содержаніе втораго акта изучаемой нами философской драмы.

Въ томъ отдѣлѣ ** второй большой философской книги Н. Н. Страхова, который посвященъ занимающему насъ теперь вопросу, мы можемъ различить какъ бы два слоя, или два теченія мысли,—одно главное, другое побочное. Съ послѣднимъ мы уже познакомились, когда говорили объ увлеченіи философа мыслью о большей будто бы доступности нашему познанію міра внѣшняго, сравнительно съ внутреннимъ. Что же касается главнаго теченія, то здѣсь Н. Н. Страховъ всецѣло стоитъ на точкѣ зрѣнія Декарта. Съ разъясненія ея онъ и начинаетъ книгу.

Въ концѣ концовъ,—разсуждаетъ онъ совершенно въ духѣ Декарта,—достовѣрно для насъ все же лишь наше собственное существованіе, по извѣстной формулѣ: „мыслю; *очевидно*, существую“ (cogito, ergo sum). Да, только *это* очевидно! Только наши внутреннія состоянія намъ несомнѣнно и вполнѣ достовѣрно извѣстны. Что *у меня есть* опредѣленныя представленія, чувствованія и желанія,—я это знаю. Но что *имъ соотвѣтствуетъ* нѣкоторая дѣйствительность, нѣчто внѣшнее,—это для меня еще вопросъ. Говоря строго, всѣ событія исторіи, всякое дѣло и всякое знаніе, по своему первоначальному смыслу, есть лишь рядъ или система психическихъ явленій, и цѣлый міръ, съ безчисленными солнцами, имѣетъ лишь значеніе маленькой группы свѣтовыхъ ощущеній. Вотъ почему все наше знаніе, вся наша бодрственная жизнь, удивительно похожа на сонъ, — такъ похожа что мы были бы очень затруднены еслибы кто-нибудь потребовалъ отъ насъ доказательствъ что она не есть сонъ...

Итакъ, что̀ же, ужели, въ самомъ дѣлѣ, все что̀ мы переживаемъ, что̀ видимъ и знаемъ, чувствуемъ и желаемъ, — все это есть лишь сонъ и призракъ? Ужели нѣтъ средствъ освободиться отъ этого кошмара и выйти изъ тисковъ сомнѣнія?

Есть одно въ нашей жизни что̀ стоитъ выше всякихъ сомнѣній. Это—самый *процессъ*, самый *фактъ* сомнѣнія. Я говорю: голубой небесный сводъ, быть-можетъ, не существуетъ. Да. Но по крайней мѣрѣ онъ *мнѣ представляется существующимъ, я* его *вижу*. Это для меня несомнѣнный фактъ. Все остальное можетъ быть или не быть, но мои внутреннія явленія, уже существующія, для меня не быть не могутъ. Вся моя жизнь и весь мой міръ, можетъ быть, только сонъ, но этотъ сонъ *мнѣ* несомнѣнно *снится*. Этотъ сонъ—*мой* сонъ; эти

* Ibid., стр. 29–36

** *Объ основныхъ понятіяхъ психологіи* (стр. 1—87 выше цитированной книги; трактатъ помѣченъ 1878 г.).

представленія и образы—*мои* представленія и образы; эти чувства и стремленія *во мнѣ* совершаются, существуютъ *внутри меня.* Все это мое, и *я*, которому все это принадлежитъ, очевидно, существую.

Та яркая дѣйствительность, которую мы называемъ внѣшнимъ міромъ, и которая одна только казалась намъ сначала несомнѣнною и вполнѣ достовѣрною, теперь отступаетъ на второй планъ. Она является лишь выводомъ, предположеніемъ и условіемъ нашей внутренней жизни. Мы лишь *умозаключаемъ* о существованіи внѣшняго міра, объ его отличіи и независимости отъ міра внутренняго,—умозаключаемъ, руководясь такимъ критеріемъ: *все что можетъ быть подвержено сомнѣнію, что можно представить себѣ являющимся во снѣ, составляетъ внѣшній міръ*; все же остальное, *что одинаково существуетъ и во снѣ и въ бодрственномъ состояніи, принадлежитъ нашему внутреннему міру.* * Разграниченіе сферъ для эмпирика довольно поучительное, дающее уже заранѣе много шансовъ идеалисту!

Центръ тяжести въ нашемъ міропониманіи теперь переставленъ. Сначала мы искали точки опоры во внѣшней дѣйствительности; но, когда оказалось что она, въ сравненіи со внутреннимъ міромъ, есть нѣчто спорное и сомнительное, — приходится искать опоры въ чемъ-либо иномъ. Но въ чемъ же?

Наша внутренняя жизнь обыкновенно смутна и непостоянна. Но даже и въ томъ случаѣ когда она бываетъ ясна и устойчива мы признаемъ ее чѣмъ-то какъ будто недѣйствительнымъ въ сравненіи съ чѣмъ-то другимъ, вполнѣ реальнымъ. Чтобы явленія внутренняго міра получили для насъ вполнѣ реальное значеніе, мы требуемъ отъ нихъ согласія съ чѣмъ-то другимъ. Именно наши мысли должны выражать *истину*, наши чувства должны быть *чисты*, и все наше настроеніе должно имѣть характеръ *святости*; наши желанія должны быть *свободны* отъ рабства предъ всемъ низменнымъ и чувственнымъ...

* Ibid, стр. 22.

Итакъ, идеи истины, святости, или нравственнаго блага, и свободы,—вотъ условія нашей *дѣйствительной* жизни, и, какъ *условія*, эти идеи очевидно эмпирически ни изъ чего не выводимы. Онѣ имѣютъ какое-то высшее и таинственное происхожденіе. Въ этихъ-то идеяхъ и лежитъ, по мысли нашего философа, ключъ къ пониманію всей дѣйствительности, сначала нашей внутренней, а затѣмъ и всей вообще, и съ нихъ-то именно и должна была бы начинать психологія, такъ какъ безъ нихъ „нельзя имѣть представленія о душѣ и ея жизни". *

II.

Что человѣкъ есть матерія, что онъ подчиняется всѣмъ законамъ механики, физики и химіи,—все это для него не существенно. Существенно же для него то что онъ способенъ знать истину и свободно стремиться къ нравственному благу.

Тезисъ для нѣкоторыхъ мыслителей, быть-можетъ, спорный. Но поставленъ онъ, очевидно, ясно: по этому признаку мы можемъ точно отграничить человѣка отъ всего остальнаго міра.

Какъ теперь обстоитъ дѣло относительно животнаго царства и всего вообще органическаго міра? Если и въ немъ есть нѣчто высшее простой матеріи и механизма, то задача философа—точно указать это высшее начало. И нашъ философъ не отклоняетъ отъ себя этой задачи. Напротивъ, какъ естествовѣдъ по спеціальности (Н. Н. Страховъ, какъ извѣстно, кончилъ курсъ на естественномъ факультетѣ), онъ съ особеннымъ интересомъ останавливается на этой трудной и сложной проблемѣ. Вотъ сущность его положительныхъ взглядовъ.

* Ibid, стр. 85.

Человѣка дѣлаетъ человѣкомъ, то есть утверждаетъ и сохраняетъ его въ его человѣческомъ достоинствѣ, нѣкоторая Высшая Сила, Которая, открываясь ему какъ истина и благо, возбуждаетъ въ немъ стремленіе къ истинно-человѣческой, духовной жизни. Подобнымъ же образомъ и животное царство держится и сохраняется въ своихъ свойствахъ и особенностяхъ тою же Высшею Силой.

Опираясь на авторитетъ знаменитаго французскаго физіолога, Клода Бернара, а позднѣе — нашего извѣстнаго ученаго и писателя, Н. Я. Данилевскаго, Н. Н. Страховъ опредѣленно высказался за особый идеально-творческій или, выражаясь технически, „морфологическій" принципъ, какъ основу и объясняющее начало жизни. По знаменитой формулѣ Клода Бернара, *жизнь есть твореніе*, то-есть въ организмѣ всегда присутствуетъ *идея*, которая его *творитъ*,— заправляетъ его морфологичнскимъ процессомъ. Приведя и истолковавъ эту формулу, Н. Н. Страховъ продолжаетъ:

„Безъ сомнѣнія, это самое простое и самое опредѣленное выраженіе дѣла. Развитіе организма совершается по нѣкоторому, заранѣе установленному, плану, который поэтому подобенъ идеѣ, существующей прежде ея исполненія. И совершается развитіе вовсе не въ силу свойствъ матеріала составляющаго организмъ, а лишь по сообразованію съ его планомъ, слѣдовательно подобно творенію,—подобно дѣйствію вносящему въ сферу вещей то чего въ ней не было и не могло быть безъ этого дѣйствія." Конечно,—оговаривается философъ,—„все это лишь подобія, а не точныя формулы. Нельзя остановиться на понятіи идеи. Идея предполагаетъ своего носителя, нѣкоторое существо способное имѣть идеи, слѣдовательно, духовное существо, нѣкоторую душу... Но душа, по обыкновенному понятію о ней, есть способность *многихъ*, подлежащихъ выбору, дѣйствій. Между тѣмъ душа растенія или животнаго имѣетъ только *одну* идею,—идею этого опредѣленнаго организма; точно такъ же она можетъ совершать только *одну* дѣятельность,— именно творить этотъ организмъ, и притомъ должна совершать ее съ необходимостію, не можетъ не совершать... Поэтому, если мы чувствуемъ потребность относить духовныя проявленія къ извѣстному существу, какъ къ ихъ источнику, то, конечно, всего правильнѣе будетъ отнести эти идеи и эти акты воли не къ душамъ или духамъ, витающимъ на землѣ и въ небесахъ, а прямо къ той непостижимой причинѣ, къ которой въ концѣ концовъ приходитъ всякое наше познаніе и мышленіе.*"

Таково рѣшеніе трудной проблемы, подсказанное нашему философу знаменитымъ французскимъ натуралистомъ. Онъ принялъ его, но не остановился на немъ. „*Такое рѣшеніе* всего вопроса,—говоритъ онъ вслѣдъ за приведенными словами,— конечно, будетъ *и правильно, и неопровержимо:* все происходитъ отъ Бога и все по волѣ Его совершается. *Но такая общая и отвлеченная мысль*, хотя часто можетъ быть достаточна для нашего сердца, *не можетъ, однако, удовлетворять нашего ума и ни мало не упраздняетъ научныхъ задачъ.* Въ словѣ *все* сливается въ одинъ хаосъ—общее и частное, необходимое и случайное, причины и слѣдствія, духъ и вещество, небо и земля. Анализируя окружающую природу, *мы*, очевидно, *стремимся* внести въ наше созерцаніе *связь, порядокъ, ясное различеніе и отчетливую іерархію явленій.*" **.

Повинуясь именно этому стремленію къ установкѣ „отчетливой іерархіи явленій", Н. Н. Страховъ ищетъ опредѣленныхъ *законовъ* жизни, - законовъ „*органогеніи и органотрофіи*", то-есть законовъ управляющихъ процессами воспроизведенія какъ элементовъ, тканей и частей организма,

* Ibid, стр. 171—174, passim.
** Ibid, стр. 174.

такъ и цѣлыхъ организмовъ; процессами размноженія, половаго и безполаго, наслѣдственности, развитія и т. д. При этомъ онъ исходитъ изъ убѣжденія что, какъ вообще природа „не есть что-нибудь зыбкое и случайное“, * такъ и морфологическіе процессы подчинены опредѣленнымъ и неизмѣннымъ законамъ, съ которыми намъ остается только сообразоваться, не мечтая измѣнить ихъ. Какъ существуютъ неизмѣнные законы органической жизни, такъ должны существовать и устойчивые типы организмовъ, что мы и находимъ въ опытѣ. „Существованіе же общихъ типовъ и ихъ сохраненіе во многихъ и различныхъ формахъ, само собою разумѣется, требуетъ *скачковъ* между типами: безъ скачковъ организмы сливались бы во всякихъ направленіяхъ, и о типахъ не могло бы быть и рѣчи. ***

Само собою понятно что, съ точки зрѣнія только-что характеризованныхъ нами началъ своей философіи живой природы, Н. Н. Страховъ могъ относиться къ дарвинизму только отрицательно. Когда явилась (въ 1885 году) извѣстная книга о дарвинизмѣ Н. Я. Данилевскаго, взгляды Страхова уже успѣли опредѣлиться вполнѣ, и ихъ согласіе, въ общемъ, со взглядами Данилевскаго естественно содѣйствовало развитію въ немъ увѣренности въ ихъ правильности. Онъ выступилъ съ горячею статьей о книгѣ Данилевскаго и, когда эта статья вызвала отпоръ со стороны профессора Тимирязева, естественно не захотѣлъ оставаться въ долгу. Къ сожалѣнію, несдержанность полемистовъ, ихъ постоянное уклоненіе съ научно-объективной точки зрѣнія на почву личныхъ характеристикъ и укоризнъ, уменьшаютъ интересъ полемики и затемняетъ нить параллельной аргументаціи. Тѣмъ не менѣе, взглядъ Страхова высказанъ въ ней все же достаточно опредѣленно.

Дарвинизмъ, по взгляду Страхова (и Данилевскаго), есть весьма шаткая гипотеза,—гипотеза лишенная твердой фактической основы, несвободная отъ внутреннихъ противорѣчій, приводящая, въ своихъ выводахъ, къ чисто механическому міросозерцанію и потому оскорбляющая наше живое чувство (прежде всего эстетическое, а затѣмъ и нравственно-религіозное). Дарвинъ, по Страхову, въ сущности телеологъ (защитникъ цѣлесообразности). Но онъ усвояетъ цѣлесообразную дѣятельность *внѣшней*, „*слѣпой*“ природѣ, вмѣсто того чтобъ усвоять ее внутреннему принципу. Морфологическій процессъ, вопервыхъ, есть процессъ *внутренній*, то-есть опредѣляемый и регулируемый не внѣшними обстоятельствами, а закономъ присущимъ самимъ организмамъ, и, вовторыхъ, процессъ *разумный*, то-есть цѣлесообразный, предполагающій предварительную (сознательную или безсознательную,—это вопросъ открытый) постановку цѣлей, которыми опредѣляются и типы живыхъ существъ. Въ сравненіи съ этою *истинною телеологіей* телеологія Дарвина должна быть названа телеологіей ложною, *псевдотелеологіей*. *

Такова основная мысль полемики Н. Н. Страхова противъ дарвинизма. Полемика касается, сверхъ этого, и многихъ частностей. Но затрогивать ихъ мимоходомъ неудобно: онѣ слишкомъ спеціальны и требуютъ детальнаго изученія.

III.

Дарвинизмъ представлялся нашему философу явленіемъ не только научно несостоятельнымъ, но и совершенно уродливымъ,—настолько уродливымъ что онъ серіозно ставилъ его въ рядъ со спиритизмомъ и былъ убѣжденъ что, „сколько бы любопытныхъ частностей ни собрали натуралисты на этой, *отводящей въ сторону*, дорогѣ, рано или поздно имъ придется вер-

---

* Ibid., стр. 208.
** Ibid., стр. 178.

* *Борьба съ западомъ*, Спб. 1890 г., гдѣ перепечатаны полемическія статьи Н. Н. Страхова о дарвинизмѣ, появлявшіяся сначала въ *Русскомъ Вѣстникѣ*.

нуться къ правильнымъ путямъ изслѣдованія". *

Тѣмъ не менѣе, дарвинизмъ отчасти и смущалъ философа,—несмотря на свою уродливость, казался ему явленіемъ довольно грознымъ.

„Нашъ вѣкъ хочетъ познавать, но упорно отказывается мыслить", ** а между тѣмъ дарвинизмъ, какъ и спиритизмъ, хочетъ именно расширить область нашего познанія открытіемъ новыхъ фактовъ и, въ то же время, освобождаетъ отъ обязанности логически-строго мыслить. Да, освобождаетъ! Какъ дарвинизмъ, такъ и спиритизмъ, грѣшатъ, по мнѣнію Н. Н. Страхова, именно тою, общею имъ обоимъ, логическою ошибкой что некритически смѣшиваютъ разнородныя области бытія,—бытія матеріальнаго и духовнаго. Спиритизмъ хочетъ „матеріализовать" духъ, сдѣлать его осязаемымъ, а дарвинизмъ въ безсмысленномъ и случайномъ ищетъ разгадки цѣлесообразнаго: природа ошибки одна и та же,—одна и та же спутанность разнородныхъ категорій и точекъ зрѣнія.

Не трудно опредѣлить заранѣе какое направленіе должна была принять мысль нашего философа, въ виду такихъ настроеній современныхъ умовъ.

Дарвинисты и спириты злоупотребляютъ фактами, а иногда и прямо ихъ измышляютъ: очевидно, необходимо сдержаннѣе относиться ко ссылкамъ на факты. Они пренебрегаютъ законами трезвой логики: очевидно, необходимо энергично вступиться за ея права. Наконецъ, они смѣшиваютъ различное, спутываютъ разнородныя области: очевидно, необходимо какъ можно строже ихъ разграничить. Вотъ новыя задачи!

Въ своей книгѣ: *О вѣчныхъ истинахъ* (1887), Н. Н. Страховъ съ жаромъ и силою возстаетъ противъ указанныхъ ненормальностей въ строѣ современной умственной жизни.

И прежде всего онъ вооружается противъ злоупотребленія ссылками на факты, противъ узкаго эмпиризма. „Гегель говаривалъ,—читаемъ мы здѣсь,—что чистыми эмпириками могутъ быть только животныя, а не люди. Но я полагаю,—говоритъ Н. Н. Страховъ, — что великій философъ ошибся: эта противоестественная точка зрѣнія могла быть придумана только людьми, только учеными, вообразившими что они могутъ передѣлать умъ человѣческій и усиливающимися удержать его въ положеніи невозможномъ для равновѣсія. Намъ говорятъ чтобы мы не видавши и судить не смѣли. Но, помилуйте, что же тогда будетъ съ нами? Что было бы еслибы, напримѣръ, каждую минуту ко мнѣ могъ явиться *духъ чистаго эмпиризма*, въ родѣ Сократовскаго демона, и вдругъ сказать мнѣ: „„ты не видалъ, такъ и не суди"". Тогда вѣдь просто не было бы житья на свѣтѣ!"... *

Искусительный духъ эмпиризма, такъ-называемаго точнаго знанія, какъ видимъ, пересталъ уже теперь производить обаяніе на философа: онъ уже его больше не слушаетъ. Онъ не прочь, пожалуй, провѣрять свои выводы опытами, но—опытами совсѣмъ иного рода, какихъ не знаетъ эмпиризмъ: „очень любезны мнѣ такіе опыты,—говоритъ философъ,—которые можно дѣлать не въ лабораторіи, а у себя дома, не поднимаясь съ мѣста и не касаясь ни до чего руками, опыты мысленные, эксперименты надъ нашими понятіями".** Эти опыты, и только они одни, могутъ привести къ *„вѣчнымъ истинамъ"*, то-есть къ такимъ истинамъ которыя долженъ принять всякій кто правильно мыслитъ, безъ различія времени и мѣста, и которыя должны лечь въ основу всѣхъ нашихъ научныхъ построеній.

Утвердившись на этой неподвиж-

* *Міръ какъ цѣлое*, предисл. ко 2му изд., стр. XVI.
** Ibid, стр. XIX.

* *О вѣчныхъ истинахъ*, стр. 16—17.
** Ibid., стр. 117.

ной и устойчивой точкѣ, Н. Н. Страховъ рѣзкими и яркими штрихами разграничиваетъ духовное и матеріальное. Въ конкретныхъ существахъ и предметахъ эти два начала даны въ единствѣ; но это отнюдь не уполномочиваетъ насъ сводить одно на другое и, тѣмъ болѣе,—выводить духовное изъ матеріальнаго.

Въ самомъ дѣлѣ, чтò такое вещество?

„Подъ веществомъ или матеріей", писалъ Н. Н. Страховъ еще въ своей книгѣ: *Міръ какъ цѣлое*,— „мы прежде всего разумѣемъ такъсказать *матеріалъ*, изъ котораго состоитъ вещь. Такъ, мы спрашиваемъ: *Изъ какого вещества* сдѣлана эта ложка? *Изъ чего* состоитъ гора? Въ такомъ смыслѣ вещество необходимо противополагается *формѣ* и всѣмъ другимъ пространственнымъ отношеніямъ. Самому веществу мы не приписываемъ никакой существенной формы, считая его безформеннымъ; форму же полагаемъ *приданною* веществу, слѣдовательно, зависящею отъ чего-то другаго, внѣшняго.

Точно также вещество не имѣетъ и движенія; движеніе дается ему извнѣ. Еще общѣе — *вещество противополагается каждому дѣйствію или явленію.* Такъ, мы спрашиваемъ—какое вещество даетъ такой-то вкусъ? Какое даетъ такой-то цвѣтъ? Вкусъ и цвѣтъ мы противополагаемъ *тому чтò* производитъ этотъ вкусъ и этотъ цвѣтъ. *Силою*, въ самомъ общемъ смыслѣ слова, мы называемъ *способность дѣйствовать* такъ или иначе; такъ что для каждаго явленія необходимо не только чтобы было нѣчто производящее явленіе, но, кромѣ того, чтобъ это нѣчто имѣло *силу* производить это самое явленіе. Вслѣдствіе такого умственнаго процесса, *вещество необходимо считается чѣмъ-то бездѣйственнымъ*: оно не есть вещь или явленіе, а только то изъ чего состоитъ вещь или явленіе и чтò производитъ явленіе; сила же есть то чтò изъ вещества составляетъ вещь и чтò въ немъ производитъ явленіе. Полагая что вещество недѣятельно, мы тѣмъ самымъ приписываемъ дѣятельность чему-то другому, именно силѣ." *

Но если, такимъ образомъ, вещество противоположно силѣ, какъ бытіе „*самонедѣятельное*" началу *самодѣятельному*, то для того чтобъ образовать ясное понятіе о веществѣ, очевидно, необходимо отвлечь отъ него силу. А для этого необходимо сначала опредѣлить природу силы самой въ себѣ. „Нужно найти силу въ полномъ смыслѣ *живую*, то-есть внутреннюю, не механическую; нужно открыть ея законъ, не математическій, но служащій основою всѣмъ математическимъ законамъ. Чтобы понять жизнь вещества, „нужно проникнуть въ эти внутреннія біенія его пульса, нужно мысленно постигнуть глубокія движенія его сущности". **

Такъ поставилъ философъ конечную цѣль своихъ поисковъ. Темой его дальнѣйшихъ работъ, по его собственному выраженію, было—„показать полнѣйшую противоположность вещества духу и очистить самое понятіе духа отъ малѣйшей примѣси матеріалистическихъ представленій". ***

И мы видѣли съ какою настойчивостію стремился онъ къ этой цѣли, когда устанавливалъ самостоятельность духовнаго начала въ человѣкѣ и духовность морфологическаго принципа въ мірѣ органическомъ.

Но если мы отвлечемъ отъ понятія матеріи всякую активность, чтò останется? Чѣмъ окажется тогда вещество? Тогда,—отвѣчаетъ философъ,— „вещество можетъ быть вполнѣ поставлено на ряду съ пространствомъ и временемъ, то-есть *окажется однимъ изъ понятій* безъ которыхъ нельзя мыслить физическихъ явленій". † Итакъ, *вещество*, если взять его философски, въ отвлеченіи ото всего инороднаго и его природѣ чуждаго, *превращается въ понятіе, въ одно изъ условій мыслимости міра фи-*

* *Міръ какъ цѣлое*, стр. 469—470.

** Ibid., стр. 474.

*** *Борьба съ Западомъ*, Спб. 1890, стр. 278.

† *О вѣчныхъ истинахъ*, стр. 110.

зическаго! Тезисъ, какъ видимъ, чисто идеалистическій.

Мысль философа теперь совершила свой „оборотъ“. Зародыши идеалистическаго міропониманія, спорадически встрѣчавшіеся уже въ первыхъ его работахъ, расторгли узкую и тѣсную оболочку въ которой были заключены сначала,—оболочку точной науки и эмпиріи,—и разрослись въ цѣлое дерево, вѣтвями и отростками своими закрывшее яркій и конкретный миръ представленія. Философскій анализъ *разложилъ* этотъ міръ на элементы, и оказалось что дѣйствительно существуютъ лишь два идеальныя, умопостигаемыя начала: „самонедѣятельный“, лишенный всякой активности, субстратъ вещественнаго міра и живая духовно-разумная сила. Весь міръ, со всѣмъ его разнообразіемъ, со всѣми его цвѣтами и красками, со всею полнотой его жизни, есть произведеніе этихъ двухъ силъ — произведеніе таинственное, непостижимое, творческое въ собственномъ и строгомъ смыслѣ этого слова.

Вотъ результатъ! Два идеальныя начала, активное и инертное, живое и безжизненное: вотъ предъ чѣмъ въ концѣ концовъ остановилась мысль философа!

Мы прослѣдили тотъ путь который велъ его отъ конкретныхъ явленій къ этимъ идеальнымъ началамъ: ясенъ ли для него былъ путь обратный? Онъ разрушилъ живой и конкретный міръ, разложилъ его на его элементы: но возсоздалъ ли онъ снова этотъ міръ силою своего философскаго синтеза?

Вотъ вопросъ, отвѣтомъ на который должно опредѣляться наше окончательное сужденіе о внутреннемъ смыслѣ и значеніи философіи Н. Н. Страхова. Разъясненіе этого вопроса должно показать намъ, имѣемъ ли мы предъ собою въ его сочиненіяхъ законченную и связную „систему“, или лишь разрозненные листки и фрагменты.

Статья третья.

I.

До конца дней своихъ Н. Н. Страховъ напряженно работалъ мыслью и очень печалился что не можетъ уже болѣе, съ былою энергіей, работать перомъ. Въ письмѣ своемъ, писанномъ, послѣ перенесенной имъ тяжелой операціи, изъ Крыма (*Мшатки*, сентябрь 1895 г.) къ А. Н. Майкову, онъ, между прочимъ, говоритъ:

„Меня томитъ что я ничего не дѣлаю, и что нѣтъ у меня охоты что-нибудь дѣлать. Попробую сегодня же приняться, наконецъ, за *давно задуманную* статью о веществѣ, гдѣ буду доказывать что оно не имѣетъ права считаться источникомъ какихъ-нибудь существъ и дѣйствій, а есть только нѣкоторый порядокъ и условіе, которому подчиняются существа и явленія.“ *

А вотъ и характерное начало (увы, только начало!) этой статьи:

„Наше просвѣщеніе,—пишетъ Н. Н. Страховъ—(разумѣю не одно русское, а и европейское или всемірное),—находится, безъ сомнѣнія, въ очень печальномъ положеніи. Если мы возьмемъ все множество образованныхъ людей и попробуемъ спросить себя, какія опредѣленныя понятія и ученія господствуютъ въ этомъ огромномъ множествѣ, то мы съ изумленіемъ убѣдимся что такихъ понятій и ученій вовсе не существуетъ.

„Не мало людей сомнѣваются даже въ бытіи Бога, на томъ основаніи что, какъ настаивалъ Бюхнеръ, „„въ отдаленнѣйшихъ пространствахъ, куда только проникаютъ телескопы,““ не усмотрѣно ничего доказывающаго это бытіе. Многіе другіе, конечно, никакъ не думаютъ что Бога нужно отыскивать посредствомъ телескопа и употребляютъ для этого другія средства, но также безуспѣшно, почему и остаются въ своемъ сомнѣніи. Они только никакъ не могутъ догадаться что ихъ средства въ этомъ случаѣ ничуть не лучше телескопа, и что не истина не существуетъ, а только намъ неизвѣстенъ путь къ истинѣ.

„Ренанъ часто восхищался современнымъ просвѣщеніемъ потому что оно твердо исповѣдуетъ *незыблемость законовъ природы*. Но, кажется, и признаніе этой скромной истины есть слишкомъ большая честь, которую нельзя приписать нашему вѣку. Много теперь есть людей которые думаютъ, какъ Дюгамель, что „„законы міра вещественнаго не имѣютъ въ себѣ ничего необходимаго и могли бы быть совершенно другими чѣмъ они есть““. * А не очень давно мнѣ довелось прочитать въ газетахъ, къ не малому моему смущенію, слѣдующее извѣстіе: „„Законы природы, эти маяки стараго времени, при болѣе точныхъ средствахъ современнаго познанія разсыпались и оказались несостоятельными. Природа, на повѣрку, мѣняетъ свои законы такъ же какъ и мы грѣшные, а потому за этими измѣненіями необходимо вѣчно и постоянно слѣдить, какъ за дѣй-

* Письмо это, равно какъ и приводимое дальше начало статьи Н. Н. Страхова о веществѣ, были переданы намъ, чрезъ редакцію *Московскихъ Вѣдомостей*, покойнымъ А. Н. Майковымъ.

* Duhamel, *Des méthodes*, 4me partie. Par. 1870.

ствіями полководца, съ которымъ боремся.““ * Предположимъ, что такого мнѣнія о законахъ природы держится одинъ тотъ кто это сказалъ; но такъ какъ это человѣкъ несомнѣнно образованный, то отсюда видно, по крайней мѣрѣ, что неизмѣнность законовъ природы, у нѣкоторыхъ образованныхъ людей, ровно ни на чемъ не держится, не имѣетъ основанія, а потому имъ можно и признавать, и откидывать ее, смотря по тому какъ покажется лучше.“

Вотъ и все! Мы видимъ изъ этого отрывка что могучую душу философа до конца дней волновали великіе вопросы: о Богѣ, о законахъ природы, объ основѣ матеріальнаго міра и т. д. Но думъ своихъ онъ досказать не могъ и развязку своей философской драмы унесъ съ собою.

II.

Итакъ, что же? Что такое, въ концѣ концовъ, эта недосказанная философія Н. Н. Страхова въ цѣломъ и общемъ?

Этотъ вопросъ ставитъ насъ въ одно изъ тѣхъ затруднительныхъ положеній, въ какихъ мы оказываемся всякій разъ когда намъ легче бываетъ сказать о предметѣ *что онъ не есть*, чѣмъ *что онъ есть*. Да, въ самомъ дѣлѣ, философію Н. Н. Страхова легче характеризовать отрицательно чѣмъ положительно: легко сказать *что она не есть*, но очень трудно, съ полною точностью, подвести ее подъ тотъ или другой изъ установившихся типовъ философской мысли.

Еще при жизни Н. Н. Страхова, его упрекали иногда и въ нигилизмѣ, и въ матеріализмѣ. Такъ, никто другой какъ нашъ извѣстный философъ, Вл. С. Соловьевъ, съ непростительнымъ для него недосмотромъ и поверхностностію, сближалъ философію Страхова съ матеріализмомъ, чѣмъ, конечно, глубоко его опечалилъ:

„Г. Соловьевъ, — говоритъ Н. Н. Страховъ,— называетъ меня матеріалистомъ; между тѣмъ все что я писалъ по этому предмету было направлено именно къ выясненію истиннаго понятія о духѣ. Три моихъ книги,— *Міръ какъ цѣлое*, *Объ основныхъ понятіяхъ психологіи и физіологіи* и *О вѣчныхъ истинахъ*,—можно сказать, всѣ написаны на эту тему; въ нихъ я старался о томъ чтобъ, установивъ понятіе о веществѣ, о вещественномъ мірѣ, показать полнѣйшую противоположность вещества духу и очистить самое понятіе духа отъ малѣйшей примѣси матеріалистическихъ представленій.“ *

По смерти Н. Н. Страхова, даже у наиболѣе осторожныхъ его біографовъ стала замѣчаться наклонность толковать религіозныя основы его философіи и жизни въ какомъ-то „широкомъ“ „философскомъ“, то - есть, попросту, въ пантеистическомъ смыслѣ. Для такого толкованія въ сочиненіяхъ Н. Н. Страхова нѣтъ, однако, ни малѣйшихъ основаній. Не знаемъ, не давалъ ли онъ для этого какихъ-либо основаній въ своихъ устныхъ разъясненіяхъ вопроса, въ своихъ частныхъ бесѣдахъ. Но полагаемъ что, въ виду крайне осторожнаго отношенія философа къ этому великому вопросу, вѣроятно, онъ отвѣтилъ бы такимъ комментаторамъ характерными и поучительными словами своей книги *О вѣчныхъ истинахъ*:

„О Богѣ или слѣдуетъ вовсе молчать, или же, когда говоримъ о Немъ, то, по крайней мѣрѣ, не приписывать Ему ничего злаго и нелѣпаго.“ **

Упрекали Н. Н. Страхова и за многое другое. Многократно и многообразно перетолковывали его философію и открывали въ ней различные, несовмѣстимые съ нею, смыслы:

„Пантеистъ ли онъ,— писалъ, напримѣръ, г. Модестовъ (*Новости*, 1887, 20 окт.),—деистъ ли, исповѣдуетъ ли онъ положительную религію, матеріалистъ ли онъ, идеалистъ ли онъ, либералъ ли онъ, консерваторъ ли

* *Новое Время*, 1891, 22 мая.

* *Борьба съ Западомъ*, кн. вторая, изд. 2е. Спб. 1890, стр. 277—8.

** *О вѣчныхъ истинахъ*, стр. 41.

онъ, однимъ словомъ, кто г. Страховъ въ области философіи и политики, для меня оставалось и до сихъ поръ остается неизвѣстнымъ.“

Само собою понятно, что къ подобнымъ заявленіямъ своихъ близорукихъ критиковъ Н. Н. Страховъ не могъ относиться двоякимъ образомъ:

„Какое, по истинѣ, праздное любопытство,—замѣчаетъ онъ въ отвѣтъ на приведенныя строки г. Модестова,—и какое обидное невниманіе! Г. Модестовъ наготовилъ много разныхъ клѣтокъ и занятъ вопросомъ въ какую меня посадить“!... *

Далеко не одинъ г. Модестовъ, впрочемъ, былъ озабоченъ этимъ. Многіе и очень многіе, люди разныхъ направленій и лагерей, обращались къ Н. Н. Страхову съ требованіемъ чтобъ онъ „выкинулъ свое знамя“:

„Въ этомъ отношеніи,— говоритъ Н. Н. Страховъ,—я даже совершенно несчастный человѣкъ. О чемъ бы я ни заговорилъ и какъ бы ни старался быть яснымъ и занимательнымъ есть множество читателей которые не хотятъ ничего слушать, нимало не заинтересовываются моими разсужденіями, а сейчасъ же пристаютъ ко мнѣ: „„да кто вы такой, выкиньте ваше знамя““!... Это приводитъ меня въ отчаяніе. Ну, какое имъ дѣло *до меня*, и почему они не занимаются *предметомъ* о которомъ я говорю?....

„Скажу откровенно: я вовсе не умѣю выкидывать знамена, вовсе не способенъ къ этому. Да, кромѣ того, я считаю это выкидываніе часто безполезнымъ, а большею частію превреднымъ дѣломъ. Обыкновенно и тотъ кто поднялъ знамя, и тѣ кто обратили взоръ на это знамя, пускаются въ *неистовое словоизліяніе*. Обыкновенно прекращается всякая работа мысли, всякій трудъ доказательства и уясненія предмета, а наступаетъ лишь безконечное повтореніе одного и того же, верченье на одномъ и томъ же мѣстѣ. Люди, которымъ понравилось знамя, чаще всего думаютъ что кромѣ этого сочувствія отъ нихъ ничего больше не требуется, и поднимаютъ крикъ и гамъ, какъ будто въ крикѣ все дѣло. И такимъ образомъ мысль, которая могла бы созрѣть и развиться, остается у самого автора на степени одной краснорѣчивой выходки, а у послѣдователей искажается, истрепливается, опошляется на тысячу ладовъ и, наконецъ, всѣмъ надоѣдаетъ. Тогда публика начинаетъ съ тоской посматривать, не выкинулъ ли кто новаго знамени, и снова начинается шумъ, и снова та же исторія безплоднаго броженія мыслей и непомѣрнаго словоизверженія. Такъ идетъ почти все наше литературное и умственное движеніе,—порядокъ печальный и жалкій, которому слѣдуетъ противодѣйствовать всѣми силами.“ *

* *Ibid* 279.

* *Ibid*, стр. 278—280, passim.

III.

Итакъ, Н. Н. Страховъ сознательно и намѣренно, какъ говорятъ—*по принципу*, не хотѣлъ выкидывать своего знамени. Вотъ почему онъ такъ настойчиво снималъ со своего философскаго построенія всякіе ярлыки со всевозможными *измами*, которыми услужливые рецензенты и критики хотѣли окрестить его философію.

Есть, впрочемъ, у него въ этомъ отношеніи одно замѣчательное и весьма характерное исключеніе. Въ одномъ изъ своихъ остроумныхъ и блестящихъ писемъ о спиритизмѣ, онъ, между прочимъ, пишетъ:

„Мой противникъ (Н. П. Вагнеръ) совершенно правъ говоря что я вездѣ ставлю *перегородки*. Въ насмѣшку онъ называетъ мои разсужденія *перегородочною философіей*; но *я былъ бы душевно радъ еслибъ это живописное названіе навсегда осталось за моею философіей*.“ **

Итакъ, *перегородочная философія*,—вотъ названіе которое хотѣлъ бы

** *О вѣчныхъ истинахъ*, 57.

удержать для своей философіи Н. Н. Страховъ! Можно, конечно, быть особаго мнѣнія насчетъ „*живописности*“ этого названія. Но во всякомъ случаѣ этотъ терминъ точно выражаетъ *формальный характеръ* его философствованія и для читателей Н. Н. Страхова можетъ имѣть важное, такъ-сказать, *предохранительно-дидактическое* значеніе:

„По-моему,—такъ выясняетъ смущенному и какъ бы обиженному за автора читателю смыслъ этого термина Н. Н. Страховъ,—по-моему, нѣтъ ничего хуже путаницы, когда человѣкъ не отдаетъ себѣ отчета въ томъ что говоритъ и думаетъ, когда онъ свободно носится по всякимъ вѣтрамъ, и въ головѣ его собирается самый пестрый и разнообразный соръ. Нерѣдко это называется просвѣщеніемъ, любознательностію, ученостію, но, въ сущности, это хуже всякаго невѣжества. Въ наше время, столь гордое своими успѣхами въ наукахъ и нравственности, довѣрчивые люди преспокойно набиваютъ себя всяческими обрывками словъ и мыслей, носящихся вокругъ нихъ; этотъ хаосъ удовлетворяетъ ихъ, насыщаетъ, заглушаетъ въ нихъ потребность яснаго и точнаго пониманія. Вотъ почему никогда не было такого распространеннаго невѣжества, такихъ разнообразныхъ заблужденій, такого паденія умственнаго уровня, такого безпрерывнаго круженія на одномъ мѣстѣ, какъ въ наше время. Противъ этого зла существуетъ одно средство: *постараемся мыслить строго, отчетливо, то-есть будемъ строго различать и опредѣлять принципы, которыхъ держимся, и методы, которымъ слѣдуемъ*. Другаго спасенія отъ путаницы быть не можетъ.“ *

Да, *въ этомъ смыслѣ*, какъ противовѣсъ современному хаотическому смѣшенію разнородныхъ сферъ дѣйствительности и понятій, философію Н. Н. Страхова можно разсматривать и называть именно *перегородочною философіей*. Съ какою, въ самомъ дѣлѣ, отчетливостію проводятся на страницахъ его сочиненій разграничительныя черты между соприкасающимися областями бытія и знанія! Какъ ясно въ нихъ всегда указывается *гдѣ*, *чего* и *почему* можно или нельзя ожидать найти! Наконецъ, какъ отчетливо намѣчены въ нихъ *границы* самой науки и съ какою опредѣленностію и твердостію указана ея задача!

„Наука“, говоритъ Н. Н. Страховъ, — „стремится къ познанію истинно сущаго; но она опредѣляетъ это сущее *только отрицательно*. Она есть постоянное *разоблаченіе* міра, постоянное снятіе съ него формъ и красокъ, въ которыя онъ для насъ облекается или, лучше, мы сами его облекаемъ“. Наука упорно стремится къ этому разоблаченію,—такова самая природа нашей познавательной способности; и тайная цѣль этого стремленія только одна—*сознательно выдѣлить все отрицательное и, слѣдовательно, сознательно стать лицомъ къ лицу предъ положительно сущимъ*. Каждый шагъ науки есть приближеніе къ этой цѣли, и кто понимаетъ этотъ смыслъ научныхъ изслѣдованій, для кого въ нихъ обнаруживается эта ихъ другая, существенная сторона, тотъ за мертвенностію *сухой* науки вездѣ чувствуетъ *теплую струю духовной жизни*. Наука въ своемъ истинномъ видѣ принадлежитъ къ тѣмъ дѣятельностямъ которыя ведутъ человѣка къ исполненію его назначенія; она не только есть чистое дѣло,—она есть *дѣло святое*.“ *

Трудно найти во всей исторіи научно-философской мысли взглядъ на науку болѣе скромный и въ то же время такъ ее возвышающій! Наука *подводитъ* къ положительной истинѣ, ставитъ своего ученика въ возможность ощутить „теплую струю духовной жизни“. И это, по истинѣ, „святое дѣло“!

* *Ibid*, 57—8.

* *Ibid* конецъ книжки.

Наука, по мысли Н. Н. Страхова, учитъ насъ переходить отъ одной умственной дѣятельности къ другой, отъ низшей къ высшей, и, если мы какъ должно усвоили пріемы этой высшей дѣятельности, то, когда мы достигнемъ въ своей жизни точки поворота, когда почувствуемъ потребность перейти отъ *внѣшне-отрицательнаго* опредѣленія сущаго *ко внутренне положительному* его постиженію, — мы убѣдимся что научные интересы и другіе высшіе запросы и потребности души отнюдь не исключаютъ, но напротивъ восполняютъ другъ друга. Эту мысль свою Н. Н. Страховъ поясняетъ хорошимъ примѣромъ:

„Во времена Ньютона,—говоритъ онъ,—славился въ Англіи отличный профессоръ математики, по имени Саундерсонъ, который былъ слѣпъ и не только нечего не видѣлъ, но и не помнилъ свѣта, такъ какъ ослѣпъ когда ему было не больше года отъ рожденія. Между другими предметами, онъ читалъ своимъ слушателямъ также курсъ оптики и мастерски излагалъ всѣ открытія Ньютона въ этой области,—разложеніе бѣлаго луча на цвѣтные, образованіе радуги и т. д.

„Наши научныя изслѣдованія, можно сказать, всѣ подобны астрономическимъ и оптическимъ познаніямъ Саундерсона. Даже больше: для того чтобы спокойнѣе производить эти изслѣдованія, мы часто нарочно закрываемъ глаза, приводимъ себя въ состояніе слѣпыхъ. Очивидно, когда мы самый свѣтъ разсматриваемъ научнымъ образомъ, мы дѣйствуемъ иначе нежели когда непосредственно воспринимаемъ его зрѣніемъ. Не мудрено, поэтому, что существуютъ слѣпцы со здоровыми глазами, которые упорно стоятъ на томъ что научное разсмотрѣніе одно истинно, и что обыкновенное зрѣніе есть пустая выдумка и фантазія.

„Но ясно также что одно познаніе, по сущности дѣла, не должно мѣшать другому; что, закрывая по временамъ глаза, мы не только не имѣемъ нужды отказываться навсегда отъ зрѣнія, а напротивъ, только въ живомъ воспріятіи свѣта можемъ найти полное удовлетвореніе своей жажды созерцанія. Саундерсонъ, при всѣхъ своихъ познаніяхъ, дѣйствительно не зналъ самаго важнаго,—онъ не имѣлъ и чаянія о томъ просторѣ и разнообразіи, о той лучезарности и красотѣ по которымъ мы нашъ вещественный міръ называемъ *міромъ Божіимъ.*

„Слѣдуетъ приложить это самое различіе и къ другимъ нашимъ умственнымъ занятіямъ. Мы можемъ долго и усердно заниматься исторіей, философіей, религіей, но такъ что наши познанія, будучи совершенно основательными, будутъ, однако, походить, по своему внутреннему значенію, на оптическія познанія Саундерсона. Но горе намъ если мы вообразимъ что это—единственное истинное познаніе, и что мы будемъ тѣмъ мудрѣе чѣмъ крѣпче будемъ закрывать наши глаза. Для полнаго пониманія нужно открыть глаза, нужно отогнать отъ себя все мѣшающее простому, прямому зрѣнію, и тогда мы увидимъ то чего не узнаютъ никогда самые ученые Суандерсоны и что̀ бываетъ доступно самымъ простымъ людямъ,—увидимъ душу явленій, ихъ глубокую жизнь и силу,—и можетъ-быть услышимъ что и въ иныхъ нашихъ книгахъ, казавшихся мертвыми, *кричитъ каждая буква*, какъ выразился Гоголь.“ *

Здѣсь ясно указанъ полюсъ склоненія всей мысли философа.

IV.

Есть нѣчто сократовское въ философствованіи Н. Н. Страхова. Онъ всегда, прежде всего и больше всего, занятъ установкой вопроса. Опровергая ложныя мнѣнія, отклоняя мысль съ ложныхъ путей, онъ указываетъ тѣмъ самымъ путь истин-

* *О вѣчныхъ истинахъ*, предисловіе XXXVI—VII.

ный, такъ сказать подводитъ къ истинѣ, ставитъ въ надлежащую перспективу, а самъ отходитъ въ сторону и какъ бы говоритъ: „смотри, *разсужденіе* кончилось, и началось ощущеніе, *видѣніе*,—мы вступили въ царство живыхъ и конкретныхъ идеаловъ красоты, блага и святости“... * Пріемъ, какъ видимъ, совершенно сократовскій.

Значитъ и у Н. Н. Страхова, какъ у Сократа, все дѣло *въ методахъ и задачахъ* философіи, *а не въ системѣ*? Значитъ, *и онъ не создалъ системы?*

Увы! *И онъ* не создалъ системы. Но это лишь отчасти зависѣло отъ него самого.

Философы, какъ и обыкновенные смертные, различаются между собой темпераментами и характерами. Есть философы которые, кажется, уже самою природой своею предназначены — одни преимущественно къ эмпиризму, другіе къ идеализму. Есть философы отъ природы синтетики и аналитики. Н. Н. Страховъ былъ очень сильный аналитикъ, но лишь второстепенный синтетикъ. Во всякомъ случаѣ синтетическая, построительная, конструктивная сторона его таланта занимала подчиненное мѣсто и имѣла въ его философскихъ работахъ лишь второстепенное значеніе. Это вопервыхъ.

Вовторыхъ, какъ извѣстно, Н. Н. Страховъ стоялъ, особенно въ началѣ, подъ сильнымъ вліяніемъ германской философіи и, можетъ-быть, не столько подъ вліяніемъ Гегеля, какъ это принято думать и говорить, сколько подъ вліяніемъ Фихте и *Канта съ его ученіемъ о „ноуменахъ“*. Вотъ почему его настойчивое исканіе *„внутренняго* выхода“ (чрезъ внутренній опытъ, а не чрезъ внѣшнюю эмпирію) за предѣлы раціонализма, по самому существу дѣла, не могло увѣнчаться *полнымъ* успѣхомъ. Въ самомъ дѣлѣ, вѣдь душа для него, какъ это вѣрно замѣчалъ еще покойный П. Е. Астафьевъ, * есть *ноуменъ,—непостижимая и непознаваемая* сущность: какого же свѣта можно искать въ этой тьмѣ непознаваемаго? Во всякомъ случаѣ, если здѣсь и есть свѣтъ, то, по силѣ только-что указаннаго предположенія, онъ необходимо долженъ быть настолько слабъ что его недостаточно для озаренія міроваго цѣлаго. А безъ этого какъ возможно построеніе *законченной системы*?..

Наконецъ, втретьихъ,—и это, быть-можетъ, самое главное,—философія Н. Н. Страхова, какъ, впрочемъ, и вся наша русская философія, есть, такъ сказать, *философія боевая*, и не случайно, конечно, однимъ изъ девизовъ своихъ онъ призналъ борьбу (*„Борьба* съ Западомъ“). Увы! Мы все еще такъ юны и наивны, такъ незрѣлы и обидчивы что во всякомъ, кто не идетъ съ нами, мы склонны видѣть врага идущаго противъ насъ, посягающаго на нашу мысль, на нашу свободу. Мы объявляемъ ему войну и,—что особенно печально,—именно *ему*, а не принципамъ, не теоріямъ которыя онъ развиваетъ и которыя намъ не нравятся. И вотъ всякій кто беретъ у насъ смѣлость имѣть свое сужденіе становится мишенью личныхъ нападеній и преслѣдованій. Ему уже не до созданія своей системы,—нѣтъ, ему врядъ отбиваться отъ преслѣдованій и защищаться отъ плевковъ и комковъ грязи.

Не избѣжалъ этой злой судьбы и Н. Н. Страховъ. „Что наша литература есть литература фанатическая,—пишетъ онъ,—въ этомъ нѣтъ никакого сомнѣнія. У насъ возможны и имѣютъ ходъ, почти исключительно, только всякія вѣры и ненависти, всякія идолопоклонства и затаптыванія въ грязь, всякіе свисты и бого-

* Эта сторона дѣла, то-есть господство въ философіи Н. Н. Страхова надъ разсудочнымъ элементомъ, надъ „раціонализмомъ“, живыхъ и конкретныхъ идеаловъ добра, красоты и святости хорошо освѣщена въ талантливо и горячо написанной брошюрѣ Б. В. Никольскаго: *Н. Н. Страховъ, критико-біографическій очеркъ*. Спб., 1896.

* *Вѣра и значеніе въ единствѣ міровоззрѣніе*, М. 1893, стр. 143—4.

творенія. Вашъ покорный слуга тѣмъ больше имѣетъ право это говорить что самъ принадлежитъ къ числу затоптанныхъ въ грязь: фактъ уже заявленъ тѣми кого можно считать въ этихъ дѣлахъ вполнѣ свѣдущими. Въ *Биржевыхъ Вѣдомостяхъ* 1874 года, отъ 27 ноября, г. Михайловскій, на половину съ торжествомъ, на половину съ сожалѣніемъ, говоритъ: „„мы втоптали въ грязь г Страхова, человѣка““ и пр. Пожалуйста не подумайте что я принимаю все это происшествіе въ шутку; старанія этихъ *мы* не всегда оставались безуспѣшными“... *

Это было въ 1874 году. А потомъ? Потомъ выступили гг. Модестовы и Соловьевы со своими безаппелляціонными приговорами о матеріализмѣ и пантеизмѣ Страхова, и наконецъ этотъ изумительный литературный *бой* съ Н. Н. Страховымъ г. Тимирязева изъ-за книгъ покойнаго Данилевскаго.

Бой былъ далеко не равенъ,—не по силамъ, однако, а по положенію. Н. Н. Страховъ выступилъ съ открытою грудью, на которой зіяла еще незатянувшаяся рана, оставленная недавнею смертью его друга и единомышленника. Казалось, онъ могъ разчитывать, по крайней мѣрѣ, на то что не станутъ бередить его больное мѣсто и отнесутся осторожно и участливо къ его положенію,—разсмотрятъ и взвѣсятъ аргументы, но оставятъ въ сторонѣ личности. Такъ нѣтъ же! Съ вѣрнымъ, конечно, но и съ жестокимъ психологическимъ разчетомъ противникъ сталъ наносить удары именно по больному мѣсту; посыпался градъ личныхъ укоризнъ по адресу не только самого Страхова, но и его умершаго друга.

Самъ г. Тимирязевъ созналъ, наконецъ, это неравенство положеній. Заканчивая свою вторую полемическую статью, онъ, между прочимъ, написалъ (съ разными оговорками и ограниченіями, конечно), слѣдующее:

* О *Вѣчн. Истин.*, стр. 13.

„Дойдя до послѣдней, такъ тепло и симпатично вылившейся изъ - подъ его (Н. Н. Страхова) пера, страницы, посвященной памяти недавно умершаго друга, *я почувствовалъ нѣчто въ родѣ глухаго раскаянія или укора совѣсти.* Тутъ только я понялъ (!), что мой бой съ г. Страховымъ не равный.

— Въ самомъ дѣлѣ, что мнѣ покойный Данилевскій? Только имя подписанное подъ извѣстнымъ рядомъ печатныхъ страницъ. Для г. же Страхова это была живая, привлекательная дорогая ему личность... Каждое мое обличеніе *бьетъ г. Страхова прямо въ сердце, а эти раны не такъ легко переносятся.* Да, *бой былъ не равный*“... *

И вотъ мы спрашиваемъ: когда васъ *бьютъ прямо въ сердце* и по больному мѣсту наносятъ новыя, еще болѣе тяжкія раны, — можете-ли вы тогда писать системы? А вѣдь Н. Н. Страхову, какъ мы знаемъ, приходилось выдерживать такіе натиски и нападенія почти за все время его литературно-философской дѣятельности.

Увы! Видно, нашъ чередъ создавать системы еще не наступилъ! Да и Богъ знаетъ когда, при такихъ условіяхъ нашей умственной жизни, онъ наступитъ?

—

Тихо и безшумно сошелъ съ исторической сцены Н. Н. Страховъ, едвали очень успокоенный относительно будущности нашего просвѣщенія и нашей культуры. Но въ научной жизни, какъ и въ жизни религіозной, существуетъ свой прозелитизмъ. Духъ возвышеннаго идеализма и строгой научности, почивавшій на Н. Н. Страховѣ, безъ сомнѣнія, перейдетъ на его учениковъ и послѣдователей, и, связанные памятью о своемъ вдохновителѣ и руководителѣ, они, бытьможетъ, сослужатъ еще не одну службу нашему просвѣщенію.

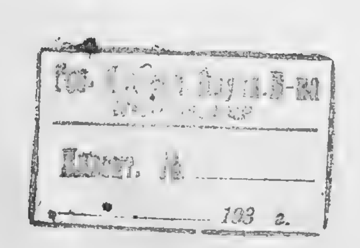
* К. Тимирязевъ: Чарлзъ Дарвинъ и его ученіе, съ прилож.: „наши антидарвинисты“. М. 1894. стр. 404.

Будемъ ждать и надѣяться! Но пока... пока всѣми знавшими Н. Н. Страхова, хотя бы даже только по его сочиненіямъ, живо и болѣзненно ощущается пустота, обусловленная удаленіемъ со сцены этого выдающагося, просвѣщеннѣйшаго и по истинѣ *передоваго* русскаго человѣка.

Цѣлую сторону моей умственной жизни,—свидѣтельствовалъ нашъ маститый поэтъ А. Н. Майковъ (въ частномъ письмѣ),—унесъ съ собою Страховъ! И сторона эта не зарубцевалась и не восполнилась“...

Увы,—не восполнилась! Тревожный взглядъ напрасно ищетъ вокругъ человѣка который бы съ такимъ же поучительнымъ мужествомъ несъ предъ нами, предъ нашимъ больнымъ и извѣрившимся въ себѣ вѣкомъ, знамя высокаго философскаго идеализма, очищеннаго и просвѣтленнаго православно-русскимъ сознаніемъ...

Дозволено цензурой. Москва, 15 февраля 1897 года.

Цѣна 40 коп.